

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части шестой статьи 34
Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и
обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой
гражданина Р.Р.Идиятдинова

город Санкт-Петербург

20 июля 2021 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой,
С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой,
С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

с участием представителя гражданина Р.Р.Идиятдинова – адвоката
А.Д.Передрука, полномочного представителя Совета Федерации в
Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного
представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде
Российской Федерации А.В.Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности
части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей
подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.Р.Идиятдинова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.Д.Рудкина, объяснения представителей сторон и выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – Д.В.Новака, от Генерального прокурора Российской Федерации – В.В.Росинского, от Федеральной службы исполнения наказаний – В.Ю.Панченко, от Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации – С.А.Голубка, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Часть шестая статьи 34 «Охрана подозреваемых и обвиняемых и надзор за ними» Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает, что при наличии достаточных оснований подозревать лиц в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания сотрудники мест содержания под стражей вправе производить досмотр их вещей и одежды при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей, а также досмотр въезжающих и выезжающих транспортных средств, изъятие предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми; не подвергаются досмотру вещи и одежда лиц, в производстве которых находятся уголовные дела подозреваемых и обвиняемых и которые обладают правом контроля и надзора за местами содержания под стражей.

Конституционность приведенной нормы оспаривает гражданин Р.Р.Идиятдинов, который, будучи адвокатом, 4 апреля 2019 года посетил следственный изолятор (ФКУ СИЗО-3 УФСИН России по Республике Татарстан). Как следует из представленных заявителем судебных решений,

пройдя через рамку металлодетектора при входе в режимное здание и сдав на контрольно-пропускном пункте сотовый телефон, запрещенный к использованию в режимной зоне, Р.Р.Идиятдинов направился в помещение, отведенное для встречи с подзащитным. При прохождении в это помещение он был остановлен младшим инспектором, который, заподозрив, что в кармане адвоката лежит телефон, предложил осмотреть предметы, находящиеся при адвокате. Требование Р.Р.Идиятдинова сообщить ему правовые и фактические основания досмотра и составить соответствующий протокол не было удовлетворено.

Заявитель, полагая, что процедурой проведенного досмотра нарушены его права, обратился в прокуратуру, а затем обжаловал действия администрации следственного изолятора в порядке административного судопроизводства, требуя признать неправомерным его досмотр без составления протокола и обязать администрацию сохранить запись с камер видеонаблюдения, расположенных на территории изолятора, и файлы видеозаписи, сделанной нагрудным видеорегистратором сотрудника, проводившего досмотр. Прокурор, проводивший проверку, пришел к выводу, что администрация следственного изолятора действовала в рамках закона. Бугульминский городской суд Республики Татарстан решением от 14 августа 2019 года в удовлетворении административного искового заявления отказал, с чем согласились вышестоящие суды (апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 20 декабря 2019 года, кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 апреля 2020 года, определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2020 года и письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2020 года).

Не согласившись с доводами Р.Р.Идиятдинова, суды сослались на часть шестую статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и на приказ Министерства юстиции Российской Федерации, которым утвержден порядок проведения досмотров в исправительных учреждениях уголовно-

исполнительной системы и на прилегающих к ним территориях с режимными требованиями, предписывающий составлять протокол досмотра только в случае изъятия запрещенных предметов у граждан. Не принята во внимание и ссылка заявителя в кассационной жалобе на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2008 года № 428-О-П, в котором указано, что не допускается личный досмотр адвоката, оказывающего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести в исправительное учреждение запрещенные предметы, без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о личном досмотре и без письменной фиксации хода и результатов соответствующих действий.

В этой связи Р.Р.Идиятдинов утверждает, что оспариваемая норма по смыслу, придаваемому ей подзаконным нормативным актом и судебной практикой, противоречит статье 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку на ее основе находящийся на территории следственного изолятора адвокат, осуществляющий свои профессиональные обязанности по оказанию юридической помощи подозреваемому или обвиняемому, подвергается повторному (после первого – при входе в изолятор) личному досмотру без составления и вручения этому адвокату протокола, в котором были бы отражены причины досмотра, зафиксированы его ход и результаты. Кроме того, по мнению заявителя, оспариваемая норма без достаточных к тому оснований устанавливает неравенство защитников подозреваемых и обвиняемых, допуская их личный досмотр, по сравнению с лицами, осуществляющими уголовное преследование, личный досмотр которых не допускается.

1.1. Во втором предложении части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрено, что не подлежат досмотру вещи и одежда лиц, в производстве которых находятся уголовные дела подозреваемых и обвиняемых и которые обладают правом контроля и

надзора за местами содержания под стражей. Как следует из судебных решений по делу Р.Р.Идиятдинова, вопрос о нарушении своих прав в данном аспекте он перед судом не ставил, а потому проверка Конституционным Судом Российской Федерации конституционности этой нормы фактически означала бы ее проверку в порядке абстрактного нормоконтроля, что в силу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» недопустимо.

1.2. В ходе слушания по настоящему делу представитель заявителя дополнительно поставил под сомнение саму возможность применения досмотра в отношении адвоката. Между тем в конкретном деле заявителя вопрос о принципиальной невозможности досмотра адвоката не ставился и судом не разрешался. Заявитель настаивал лишь на необходимости надлежащей фиксации оснований, хода и результатов соответствующих действий. Следовательно, оценка оспариваемой нормы в данном аспекте была бы выходом за пределы конкретного нормоконтроля.

При этом допустимость досмотра адвоката на территории учреждений, исполняющих наказания, и на прилегающей к ним территории, где установлены режимные требования, уже констатирована Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 6 марта 2008 года № 428-О-П. Эта позиция в принципиальном плане распространяема и на досмотр в местах содержания под стражей.

1.3. В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Р.Р.Идиятдинов ставит вопрос о личном досмотре адвоката, в то время как часть шестая статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривает досмотр вещей и одежды при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей. Из представленных заявителем судебных решений следует, что факт осуществления в его отношении личного досмотра установлен не был; каким-либо образом переоценивать выводы судов о фактических обстоятельствах Конституционный Суд Российской Федерации не имеет оснований. Это, однако, не препятствует рассмотрению настоящего дела,

поскольку вопрос об оформлении оснований проведения, о фиксации хода и результатов досмотра имеет конституционно-правовое значение применительно как к личному досмотру адвоката, так и к досмотру его вещей и одежды.

В Определении от 6 марта 2008 года № 428-О-П Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию, согласно которой недопустимо произвольное проведение личного досмотра адвоката, осуществляющего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести на территорию исправительного учреждения запрещенные предметы, и без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о проведении личного досмотра и письменной фиксации хода и результатов соответствующих действий.

В связи с этим содержащиеся в настоящем Постановлении правовые позиции во всяком случае не могут расцениваться как допускающие возможность личного досмотра вне установленных законом оснований.

1.4. В силу пункта 3 части 1 статьи 27.1 и статьи 27.7 КоАП Российской Федерации личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, являются мерами обеспечения производства по делу об административном правонарушении и при необходимости осуществляются в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения должностными лицами, указанными в его статьях 27.2 и 27.3, в том числе сотрудниками органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Задokumentированные результаты досмотра могут использоваться при привлечении к ответственности за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания (статья 19.12 указанного Кодекса).

В деле Р.Р.Идиятдинова вопрос о его привлечении к административной ответственности не ставился, а потому в настоящем Постановлении проблема соотношения досмотра, предусмотренного частью шестой статьи 34

Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», и досмотра, предусмотренного названными положениями указанного Кодекса, не исследуется.

1.5. Таким образом, часть шестая статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на ее основе решается вопрос о необходимости письменного оформления оснований, хода и результатов досмотра вещей и одежды адвоката при посещении им места содержания под стражей для выполнения своих профессиональных обязанностей по оказанию юридической помощи подозреваемому или обвиняемому, заключенному под стражу.

2. Согласно статье 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи; в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно; каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Право на получение такой помощи закреплено также в Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6).

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на получение квалифицированной юридической помощи признается и гарантируется в России в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в числе других прав и свобод, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной

власти и обеспечиваются правосудием (статьи 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации). Государство, призванное гарантировать данное право, в силу статей 21, 45 и 48 Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, – для эффективного осуществления деятельности без ущерба для их достоинства, чести и деловой репутации (постановления от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П; определения от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О, от 29 мая 2007 года № 516-О-О и др.).

На необходимость дополнительных гарантий надлежащего осуществления адвокатом его профессиональной деятельности, направленных на защиту его личности и таких нематериальных благ, как честь, достоинство и деловая репутация, указывается в Основных принципах, касающихся роли юристов (приняты Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе – сентябре 1990 года в Гаване): в частности, юристу должна быть обеспечена возможность исполнять профессиональные обязанности без угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства (пункт 16). Согласно Рекомендациям Комитета Министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката от 25 октября 2000 года № R(2000)21 должны приниматься все меры для соблюдения, защиты и развития свободы осуществления профессии адвоката без дискриминации и без неоправданного вмешательства со стороны властей или общественности, в частности в свете соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод; адвокаты не должны опасаться каких-либо санкций или подвергаться давлению, когда они действуют в соответствии с профессиональными стандартами.

Принятые Резолюцией 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2015 года Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) в равной мере распространяются на учреждения, обеспечивающие изоляцию как лиц,

находящихся под следствием, так и уже осужденных (предварительное замечание 3), требуют предоставления таким лицам надлежащих условий для свиданий с адвокатом (правило 61), ставят допуск посетителей в тюремное учреждение в зависимость от согласия подвергнуться досмотру, которое может быть изменено, в связи с чем администрация вправе отказать в допуске, и запрещают унижительные процедуры досмотра и допуска (правило 60), предписывают, что для целей подотчетности тюремная администрация должна хранить соответствующие отчеты о проведенных мероприятиях с указанием их причин, лиц, их проводивших, и результатов (правило 51).

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает право адвоката при оказании юридической помощи беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине в условиях, обеспечивающих конфиденциальность, в частности в период его содержания под стражей, без ограничения числа свиданий и их продолжительности (пункт 3 статьи 6). Вместе с тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, данный Федеральный закон не закрепляет неприкосновенность адвоката, не определяет ни его личную привилегию как гражданина, ни привилегию, связанную с его профессиональным статусом (определения от 17 июля 2012 года № 1472-О, от 28 июня 2018 года № 1468-О, от 24 октября 2019 года № 2743-О, от 27 февраля 2020 года № 322-О и др.), а потому реализация названного права не означает посещения адвокатом мест содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых – каковым является следственный изолятор – без соблюдения установленных в соответствии с законом режимных требований.

Данные требования, как это вытекает из статей 21, 22, 45 и 46 Конституции Российской Федерации, должны отвечать критериям правовой определенности, точности и недвусмысленности, предусматривать гарантии личной неприкосновенности и уважения человеческого достоинства, что предполагает обеспечение каждому, считающему свои права нарушенными их применением, государственной защиты, в том числе судебной.

Устанавливая и применяя режимные требования для предупреждения возможных злоупотреблений и угроз безопасности, необходимо учитывать конституционное значение квалифицированной юридической помощи, с тем чтобы возможность ее оказания не ставилась под сомнение.

3. Согласно Федеральному закону, содержащему оспариваемую норму, в местах содержания под стражей устанавливаются режимные требования, обеспечивающие соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации; обеспечение режима возлагается на администрацию и на сотрудников мест содержания под стражей, которые несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей (статьи 15 и 32).

В связи с этим Федеральная служба исполнения наказаний поддерживает правопорядок и законность в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, и в следственных изоляторах, обеспечивает безопасность содержащихся там осужденных, лиц, заключенных под стражу, а также работников уголовно-исполнительной системы, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов (подпункты 1 и 4 пункта 3 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года № 1314).

К мерам по обеспечению режимных требований относится контроль (досмотр) при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей, в том числе в целях обнаружения и изъятия – в частности у адвокатов – тех предметов, веществ и продуктов питания, которые запрещены к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми. Для обеспечения пропускного режима оборудуется проходной коридор, в котором для пресечения попыток доставки осужденным и лицам, содержащимся под стражей, оружия и других запрещенных предметов устанавливаются

приборы контроля и досмотра (включая стационарные металлодетектор и рентгеноскоп), информация от которых (в том числе об обнаружении запрещенных предметов) получается и записывается интегрированной системой безопасности (пункты 23 и 27 Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 сентября 2006 года № 279).

Осуществляемый с помощью таких приборов контроль (досмотр) – как элемент пропускного режима и условие допуска посетителей на территорию учреждения уголовно-исполнительной системы – проводится, по существу, с согласия этих лиц, которые вправе отказаться от посещения соответствующего учреждения и тем самым от прохождения такого контроля (досмотра). Поскольку такой контроль (досмотр) рассчитан как на вход, так и на выход посетителей, они во всяком случае должны осознавать, что к ним и при выходе применяются специальные средства контроля. Входя на контрольно-пропускной пункт, посетители конклюдентно дают согласие и на последующий, осуществляемый при выходе с территории, аналогичный по содержанию и средствам контроль (досмотр). Основанием для данной административно-предупредительной меры является сам факт прохождения контрольной зоны (контрольно-пропускного пункта).

Таким образом, режимные требования направлены на защиту общего (публичного) интереса, выступают условием поддержания правопорядка и безопасности подозреваемых и обвиняемых, персонала, должностных лиц и граждан, включая адвокатов, находящихся на территории следственного изолятора. Как таковые по своей природе эти меры, в том числе применяемые к лицам в связи с выполнением ими профессиональных обязанностей, не носят характер санкций.

В отношении контроля (досмотра) адвокатов при проходе на охраняемый объект Конституционный Суд Российской Федерации в прежних решениях отметил следующее. Досмотр судебным приставом входящего в здание суда адвоката и находящихся при нем вещей при наличии оснований

полагать, что у того есть предметы, вещества и средства, представляющие угрозу для безопасности окружающих, не может рассматриваться как несоразмерное ограничение прав, а адвокат не лишен возможности самостоятельно предъявить судебному приставу для осмотра находящийся в его вещах предмет, на который среагировали специальные технические средства (Определение от 24 октября 2019 года № 2940-О). Пункт же 25 части 1 статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», закрепляющий право полиции требовать от граждан соблюдения пропускного и внутриобъектового режимов на охраняемых ею объектах, осуществлять досмотр и осмотр граждан, осмотр находящихся при них вещей, направлен на защиту общественного порядка, безопасности, нравственности, на устранение опасности для жизни, здоровья и имущества людей и с учетом ранее выраженных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации не допускает произвольного применения и не создает непреодолимых препятствий для оказания адвокатом юридической помощи (Определение от 26 марта 2019 года № 838-О).

Направляясь для выполнения своих профессиональных обязанностей на территорию следственного изолятора, адвокат при прохождении контрольно-пропускного пункта также обязан предъявить сотрудникам этого учреждения по их требованию для осмотра находящийся в его вещах или одежде предмет, на который среагировали специальные технические средства или который замечен визуальным способом и обладает признаками предмета, запрещенного к проносу. Такое требование не обязательно связано с подозрением в попытке проноса запрещенных предметов: оно может быть продиктовано, например, неопределенностью сигналов (изображений), генерируемых техническими средствами. При этом, если такое требование предъявляется непосредственно на контрольно-пропускном пункте и не встречает возражений у адвоката, нет оснований рассматривать его как выходящее за пределы обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при входе в следственный изолятор или выходе из него.

Соответственно, необходимость письменной фиксации оснований и хода такого контроля (досмотра) возникает только в случае обнаружения предметов, запрещенных к вносу на территорию учреждения или выносу с нее, поскольку это может повлечь для лица неблагоприятные правовые последствия, в том числе ответственность на основании закона.

4. Иную правовую природу в системе действующего регулирования имеет предусмотренный оспариваемым положением досмотр вещей и одежды адвоката, который осуществляется в связи с подозрением в попытке проноса им запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. Это подозрение может возникнуть по результатам контроля с помощью технических средств при входе на режимный объект (при выходе с него), путем визуального наблюдения, а также на основе другой информации, причем как непосредственно при прохождении контрольно-пропускного пункта, так и в других помещениях следственного изолятора. Такой досмотр может проводиться и вне зависимости от согласия досматриваемого.

У адвоката в этом случае может не быть альтернативы: подвергнуться досмотру и продолжить посещение учреждения или отказаться от прохождения досмотра и покинуть его. В частности, за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания, предусмотрена административная ответственность (статья 19.12 КоАП Российской Федерации). Предоставление лицу, заподозренному в попытке проноса такого предмета, возможности беспрепятственно и без последствий покинуть следственный изолятор создавало бы риск злоупотреблений и безнаказанности. Досмотр при наличии подозрений при выходе адвоката из следственного изолятора (т.е. после завершения встречи с подозреваемым, обвиняемым) также в любом случае обязателен и не предполагает возможности адвоката решать, проходить такой досмотр или нет, поскольку он после выполнения профессиональной задачи должен покинуть изолятор.

Во всяком случае предъявление к адвокату требования о досмотре вещей и одежды вне помещений, непосредственно предназначенных для контрольно-пропускных целей, т.е. когда обычное прохождение контроля (досмотра) с использованием технических средств (на входе) уже завершено или (в случае выхода) еще не началось, лежит за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств.

Таким образом, предусмотренный оспариваемой нормой досмотр вещей и одежды в связи с наличием достаточных оснований подозревать адвоката в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания реализуется – по содержанию и форме – за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при посещении следственного изолятора и характеризуется безальтернативной обязанностью адвоката выполнить соответствующее требование уполномоченного сотрудника, в том числе под угрозой принуждения или ответственности. Следовательно, в данном случае в целях защиты прав адвокатов должна быть предусмотрена возможность фиксации оснований, хода и результатов такого досмотра.

5. Особые требования к документированию личного досмотра адвоката, выявленные Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 6 марта 2008 года № 428-О-П, обусловлены спецификой этого вида досмотра. Степень же вторжения в права лица при проведении только досмотра вещей и одежды предполагается менее высокой, чем при личном досмотре.

Это позволяет досматривать вещи и одежду без вынесения специального решения и без фиксации оснований, хода и результатов досмотра, если адвокат, как и в рамках обычного порядка входа-выхода, сам предъявит вызвавшие подозрение предметы. Однако – исходя из повышенных гарантий защиты статуса адвоката – он не должен быть лишен возможности потребовать документальной фиксации досмотра вещей и одежды, осуществляемого в связи с подозрением его в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. В данном случае

надлежащее оформление досмотра должно быть произведено. Возможность такого требования позволяет адвокату, в частности, реагировать на случаи, когда досмотр может, по его предположению, трансформироваться из досмотра вещей и одежды в личный досмотр безотносительно к наличию для этого правовых оснований.

Поскольку в современных условиях можно рассчитывать на то, что объекты уголовно-исполнительной системы оснащены средствами постоянной видеофиксации происходящего (в том числе с помощью стационарных видеокамер или носимых видеорегистраторов), альтернативой письменному документированию может быть хранение видеозаписи досмотра вещей и одежды – как минимум в течение срока на судебное обжалование законности такого досмотра – и предоставление ее копии адвокату по его требованию в течение данного срока. Если адвокат соглашается с этой альтернативой или сам предлагает ее, такой способ фиксации оснований, хода и результатов досмотра может быть признан достаточным.

Со своей стороны федеральный законодатель не лишен возможности более подробно урегулировать проведение досмотра в отношении лиц, посещающих места содержания под стражей.

6. Проведенный в отношении Р.Р.Идиятдинова досмотр не повлек для него таких негативных правовых последствий, для устранения которых могли бы требоваться документы об основаниях, ходе и результатах досмотра. Поэтому Конституционный Суд Российской Федерации в соответствии с пунктом 10¹ части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» полагает возможным признать, что дело Р.Р.Идиятдинова не подлежит пересмотру.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть шестую статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – в части досмотра вещей и одежды адвокатов при посещении места содержания под стражей в целях оказания юридической помощи подозреваемым или обвиняемым она предполагает, что:

при таком досмотре, который в связи с подозрением в попытке адвоката пронести запрещенные предметы, вещества и продукты питания проводится за пределами обычного прохождения контроля (досмотра) с использованием технических средств при входе в место содержания под стражей и выходе из него, по требованию адвоката должна осуществляться письменная фиксация оснований, хода и результатов соответствующих действий;

при наличии видеофиксации досмотра вещей и одежды адвоката соответствующие записи должны сохраняться вне зависимости от требования адвоката как минимум в течение срока на судебное обжалование законности такого досмотра, а их копии должны предоставляться адвокату по его требованию в течение этого срока.

2. Конституционно-правовой смысл части шестой статьи 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

№ 38-П

Конституционный Суд
Российской Федерации